

Публикуемые заметки Леонида Парфенова будут включены в книгу «Воспоминания об Александре Бовине. Политик, журналист, дипломат», которая выйдет в московском издательстве «Любимая Россия». В числе ее авторов — известные общественные и политические деятели, ученые, журналисты. Составители книги — бывшие известинцы: главный редактор Василий Захарько, политический обозреватель Станислав Кондрашов, специальный корреспондент Леонид Шинкарев.

Последний учитель

Этот момент я установил с точностью до минуты. Аргентинский губернатор южноатлантического архипелага сел на место английского губернатора 7 апреля 1982 года, в среду. Стало быть, момент этот: воскресенье, 11 апреля, 18 часов — время начала «Международной панорамы». Место — квартира моих родителей в Череповце, я сижу на диване перед телевизором «Ладога-203». На экране возникает единственный советский телеведущий без галстука и произносит:

— На этой неделе мир узнал, что есть на свете Фолклендские острова.

Тон, которым это было сказано, допускал далее: вот ведь, парень, какая штука. Но этого телеведущий не добавил, а стал объяснять, что если честь по чести, то острова, конечно, должны принадлежать англичанам. Уже четыре дня Центральное телевидение именовало острова Мальвинскими (аргентинское название), вещая про «былые владения британских неимпериалистов, которые они пытались удерживать в тысячах миль от берегов Альбиона». Так что безгалстучный ведущий нес неслыханные дерзости. Но мне хватило бы и тона — он-то был самым неслыханным. Телевизор говорил с тобой по-свойски. Этим Бовин и брал — ну, кого особо волновали Фолкленды? И кого особо впечатляли отклонения от мидовской позиции? Это все «журналистика для журналистов», на ней телезвездами не становятся. Бовин миллионам людей был интересен сам по себе. Прошло много воскресений после «фолклендского», и в избе пожилого агронома, кажется, под Великим Устюгом, я попросил хозяйку включить телевизор. Увидев, что я смотрю, агроном одобрил выбор: «А я тоже люблю слушать, как этот толстяк выступает!» — и уселся внимать комментарию про филиппинские заботы Корасон Акино.

Тишина. Что же делать-то? Ведь никто ничего-таки не придумал для него какую-то новую форму ведения программы. Я был тогда главным продюсером, мы встречались: сперва втроем с Добродеевым (ныне глава ВГТРК), потом втроем с Файфманом (ныне генеральный продюсер «Первого канала») — как с режиссером-постановщиком, потом еще две-три мои отдельные встречи с Александром Евгеньевичем, наконец, к нему, как его будущий редактор, приехала Наташа Мальцева (ныне автор и ведущая программы «Квартирный вопрос»). А потом Бовин мне позвонил и решительно отказался. Наверное, в походе на ТВЦ в конце 90-х были и политические мотивы. Тогда два мы даже не созванивались.

Еще в поездке по Вологодской области я впервые услышал про ошибочное советское отношение к Израилю. Тогда в очередной раз буйно швел патристический антисемитизм, и писатели-деревенщики с воложанами во главе всерьез уверяли: от евреев всё зло нашему народу. «Всё» — значило любое отклонение от заветов «отчич и дедич», и я, как нахатавший завиральный либерализма, слыл среди пишущих земляков «жидовствующим». В общем, у меня на родине тема звучала особенно жутче.

Обычного в таких случаях вопроса Бовину: а вы еврей? — я не задавал, но как-то все же спросил про причину столь заинтересованного личного отношения к проблеме. Будущий первый посол России в Израиле объяснил прагматически: Ближний Восток — самая горячая точка мира, без учета интересов евреев она не остынет и никакого «урегулирования» ни у нас, ни у других не получится. Да еще там «на четверть бывший наш народ», а мы всё без дипломатии.

Потом бывали и более эмоциональные речи: про подвиг восстановления языка, про переправу тысяч людей (Бовин мне даже давал почитать «Экзодус» — книжку про переселение), про то, какими евреями оказались сильными войсками. Бовин часто восхищался итальянцами или нахваливал Нью-Йорк — и это было не диво, но про Израиль тогда ни от кого, кроме самих израильтян, такого не слышал. Не знаю, хорошим ли Бовин был послом, но то, что восстановление отношений с Израилем он воспринимал как «личный проект», — это точно и в назначении на пост «Чрезвычайного и Полномочного» сказались какая-то редкая справедливость.

Со своей книжкой про Израиль — «5 лет среди евреев» (потом прибавилось «и мидовцев» — стало быть, в МИДе евреев не бывает) Бовин стоял на углу у «Известий», договорился, что я за ним заеду и мы поужинаем. Намерения узнать были самые серьезные — свою машину он предумышленно оставил дома. Естественность бовинского поведения в новых условиях опять радовала: научился коммуникатору, сам двумя пальцами книжку наступал, нет больше служебного авто — ездит сам, купил машину, какая ему по карману. — «Оку», без комплексов, непонятно только, как он в ней помещается.

Мы встретились первый раз после его неприхода на НТВ. Книжку он мне отдал, едва сел в машину, я сразу раскрыл: «Лёне, сердечко» — ну, и слава богу, два года назад он отказывался от сотрудничества раздраженно, на «вы» и по имени-отчеству. Я давно искал повод возобновить знакомство, потом позвонил без повода — просто пригласил в ресторан.

Как когда-то в «Центральный» — всего квартал пути от «Известий», только в другую сторону: в «Марриотт». Перед входом в зал обратил внимание Бовина на название (он иначе бы не заметил): «Гранд-Александр» — вот, специально под вас выбрал место. Гранд Александр Евгеньевич, конечно, обругал «вечное выдумывание всяких штук».

Ко времени очного знакомства с Бовиным я читал или слушал по «голосам» и изгнанных диссидентов, и оставшихся. Меня все восхищали: Солженицын, Аксенов, Сахаров, Сева Новгородцев. Но всё это было или немилым подвигом здесь или немилым «отвязом» в безопасном месте. И советскую беспросветность ничуть не разгоняло.

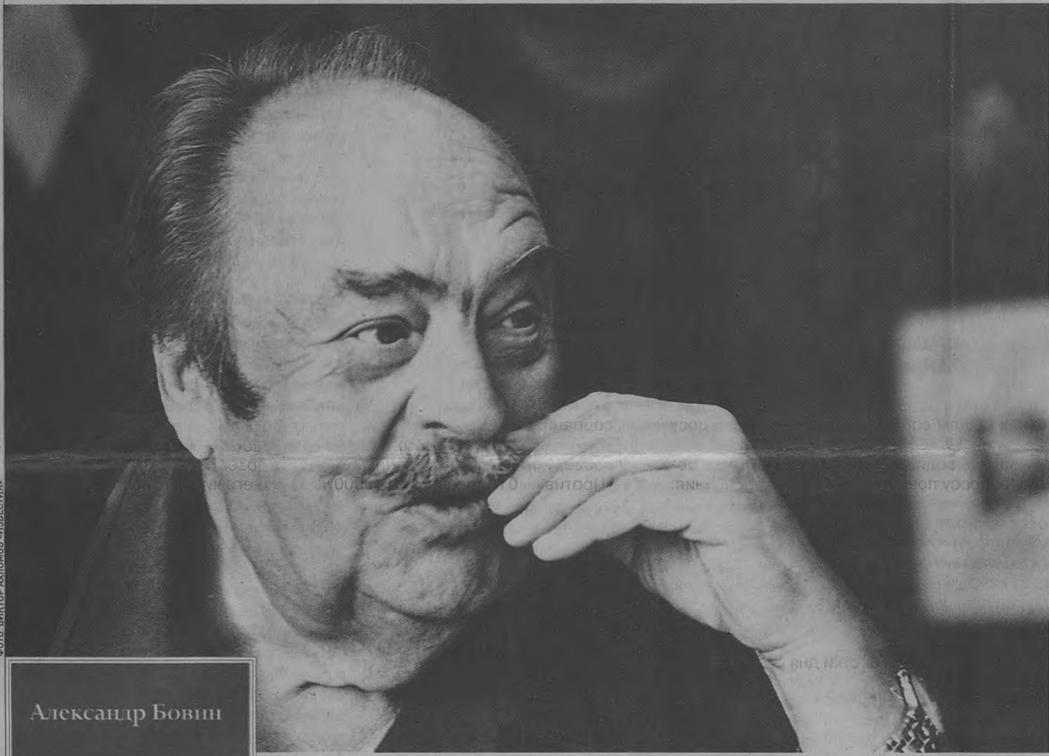
Больше ободрили случаи, когда «живу душу» умудрялись сохранить среди нашей жизни. Высоцкий, рок-музыка, Пугачева — она работала очень истово, Жванецкий, Бовин — вот и весь список. Вольный «масс-культ», который в каждом доме, из каждого магнитофона, из каждого телевизора, разряжал воздух, хоть чем-то давал дышать.

А во всем, кроме «экранный видения», лично для меня Бовин был единственным профессиональным учителем. Куски, вырезанные в «Международной панораме» из комментария про Афганистан, он отдал в «Аргументы и факты», и за это его отлучили от эфира. Ну, как всегда.

В последние год-два мы виделись всего несколько раз. Бовин преподавал в РГГУ и позвал провести семинар с его студентами. Встретил у входа в учебный корпус и, пока шли до аудитории, ворчал: почему твоё имя теперь произносят как «кока-кола»? Во второй книжке мемуаров он поместил нашу фотографию на Вологодском телевидении 20 лет назад, подписав «С будущим Леонидом Парфеновым» — это про теперешнюю подачу имени ведущего как брэнда.

Иногда я посылал к Бовину корреспондентов — записав какое-то его мнение (про Ближний Восток, обычно), однажды он сам приходил ко мне в студию — гости в программе «Намедни» вообще-то были редкостью. Сидели вместе в тримерке, и он сказал серьезно: — Чувствуется, ты в передаче стараешься. И всякие шпунчики эти твои... Хотя можно было бы и без них.

Скосил глаз: — Ну, почему не спорить, что нельзя? ***
Проезжая по Пироговке, я каждый раз загадывал: «стоит или не стоит» — и, завидев у дома, где салон «Лаванда», синюю «Оку», считал, что выиграл.

Александр Бовин

Прежде чем стать знаменитым международником и дипломатом, о чем Александр Бовин мечтал с детства, он в 1953 году окончил юрфак Ростовского государственного университета и десять лет проработал в Краснодарском крае сначала судьей, пропагандистом в райкоме партии, замдиректора Хаджиженского леспромхоза. В 1963 году он стал консультантом отдела ЦК КПСС, где писал речи для генсека Леонида Брежнева. В 1968 году после того, как Бовин высказал свое несогласие в связи с событиями в Чехословакии, его перевели в политический отдел «Известий». В это же время появилась и телепрограмма «Международная панорама», в которой Александр Бовин позволял себе не только не надевать галстук, но и высказывать отличную от официальной точку зрения. В 1991 году Бовин стал послом СССР, а потом и России в Израиле. Через шесть лет он вернулся в «Известия» политобозревателем, где проработал до октября 2000 года. Параллельно вел на телеканале ТВЦ «Разговор по существу», а на «Радио России» — программу «Мир за неделю», публиковался в журнале «Итоги» и заведовал кафедрой журналистики РГГУ.

ЛЕОНИД ПАРФЕНОВ
главный редактор журнала
«Русский Newsweek»

Первый раз я увидел Бовина воочию за самым легендарным его занятием вне эфира: распитием шампанского в ресторане Домжур. Я учился в институте повышения квалификации и в ресторан зашел с нашей преподавательницей, которая раньше работала в «Известиях». Галина Никулина, серьезный доцент, с порога воскликнула: «Ой, Саша, знаменитость ответствовала: «А, старуха», тут же призвав еще две бутылки и каких-то фирменных таралеток.

Шампанское наливалось «с горкой», так что его надо было отхлебывать как чай из блюдца. Поголопая бокал за бокалом, «Саша» мочил края усов в пене, кажется, используя шампанское и в качестве фиксатора. Я пить не смел, но со столбняком справился и проделал: «А вот, может быть, вы согласитесь дать интервью областной газете «Вологодский комсомолец»? Бовин ответил одной фразой: «Завтра, в двенадцать, «Известия», кабинет 640, телефон 2996136, с утра позвоните, я вам пропуск закажу».

Самыми привилегированными советскими журналистами, конечно, считались международники: валюта, поездки и прочее. Вскоре после знакомства Бовин спросил — мол, не мечтаю ли и я? — И в мыслях нет, — говорю. Но, подозревая, что выгодная карьера всех прельщает, классик-международник еще долго потом переспрашивал: — У тебя какой язык? — Да, в общем, никакого, Александр Евгеньевич.

— Это в общем, а в частности?
— Ну, плохонький немецкий.
— А... Ты только там не пиши: «текут мутные воды Рейна».

Однажды он расширил правило (может, подумал, что я какой-нибудь язык все же выучу?):
— Ну, или там, «воды Сены». Или «воды Темзы».

К «убранству» бовинского кабинета я так и не привык. Фото Андропова и картинка с крокодиллом, стягивающим трусики с девочки. В какой-то год висел огромный календарь с корейскими красавицами.

По аппарату АТС-2 политобозреватель звонил строго официально: здравствуйте, можно товарища... Там-самиздат с неперевернутыми корешками (обычно даже дома

такие книжки на полках ставили чтоб не видно было названий). Чай в стаканах с подстаканниками. Бовина я часто заставал в продроганной на локтях зеленой кофте — вид она имела женский, даже старушечий. Вообще, хозяин кабинета как-то гармонизировал собой всю эту разношерстность — от санатория старых большевиков до общежития дальнебойщиков.

Однажды ходили обедать в ресторан «Центральный». Была зима, и вполне морозная. Политобозреватель облачился в советский плащ-дождевик с крапчатой изнанкой — в деревне в таких за грибами ходят. Квартал по тогдашней улице Горького Бовин прошагал, по-моему, не замечая, как все прохожие перед ним расступаются, замедляя шаг и улыбаясь. Потом я такое видел только на прогулках с Пугачевой — но она-то замечала.

На двадцать лет знакомство с Бовиным продлилось оттого, что, прощаясь после интервью, я сказал — конечно, совершенно ритуально:

— Приезжайте как-нибудь в наши края.
— А вы пригласите, и я приеду! — Бовин прямо обрадовался. — Вы вот можете меня в монастыри эти ваши свозить? Я там никогда не был, и никто меня не приглашал, — он уже почти обиделся, что вот и я просто так брякнул, а не приглашу.

Зачем ему требовалось какое-то «приглашение» в Кириллов и Ферапонтово, да еще от меня? Маршрут составили тут же.

Поездку тов. Бовина А.Е. по Вологодской области осложняли несколько обстоятельств.

Во-первых, деятель номенклатуры Политбюро — это есть ранга первого секретаря обкома — по приглашению репортера областного телевидения не ездил. Прозвав про визит, вмешался тот же обком и программу сильно оказал. Но от посещения передовых предприятий гость отказался, сопровождающих отпихивал и даже не стал обедать в гостинице обкома, велел: туда пойдем, где ты сам ешь.

Во-вторых, официально Бовин поехал на встречи с читателями «Известий», и я боялся провала этих безозерских гастролей. Дело в том, что Бовин на встречах никакой вводной лекции не произносил, предлагал сразу задавать вопросы, а с ходу расспрашивать столичную звезду о международном положении — не в северном характере.

Забитый до отказа зал встретил Бовина не аплодисментами, а пробегавшим шепотом «ух ты!» — людям просто не верилось. По дороге я пытался втолковать: Александр Евгеньевич, это Бедо-зерск, вы хоть что-то для начала скажите, ведь надо «размять» аудиторию. — Да ну, — отмахивался гастролер, — все проле! На сцену Бовин не поднимался, встал перед первым рядом.

— Здравствуйте. Ну, задавайте вопросы.